

ТЕАТР

Помните, чем пахли старые московские коммуналки? Все они имели свой запах. Там пахло мышами, там – селедкой с луком, очередной "поллитрой", квашеной капустой... Теперь запахи эти напрочь выветрились, а новые хозяева понастроили спейсы, джакузи и бассейны. Марку Розовскому удалось большее: вместить в джунгли такой "вороньей слободки" на пересечении Никитского бульвара и Большой Никитской улицы... целый театр. Я помню квартиру № 8 в доме 23/9 в том виде, в котором ее передали театру-студии "У Никитских ворот": неприглядная, ветхая старость, зияющие проемы и разрушенные стены... К такому интерьеру требовался особый репертуар, и Розовский поставил адекватный этой атмосфере надрывный спектакль "Два существа в беспредельности" – дуэтные сцены из романов Достоевского "Преступление и наказание" и "Бесы". Сцена – бывшая кухня, откуда вынесли не менее дюжины шкафчиков-столиков. Стена между нею и ближайшей комнатой была разобрана, в комнате стояли простые лавки, "сцена" едва освещалась. И когда Владимир Юматов, он же Ставрогин и Свидригайлов, швырял в стену яйца, и желток растекался вязкими струйками, я ловила себя на мысли: все равно же будут ремонтировать.

Теперь, уже добрый десяток лет приходя в "Квартиру № 8" (так окрестил Розовский этот зал, получив еще и второй – "Лебедь" – на Ленинградском шоссе), я до сих пор радуюсь мягким креслам, интерьеру с зеркалами, буфету.

ДОСЬЕ ДЛЯ МЕЛЬПОМЕНЫ

работ Розовский сделал первый спектакль – "Доктор Чехов", который до сих пор в репертуаре театра. А репертуар у него огромный – 22 наименования. "Бедная Лиза" Карамзина и "История лошади" ("Холстомер" Льва Толстого) – одни из самых старых, любимых и знаменитых. Сменились – даже не по одному разу – исполнители. Пятнадцать лет назад Холстомера играл Андрей Степанов, потом Сергей Десницкий, сейчас – Евгений Герчаков. Актеры высокой пробы, сами по себе – настоящий театр. Со студией Розовского стали сотрудничать известные актеры: Борис Левинсон, Владимир Долинский, Олег Вавилов, Игорь Старыгин,

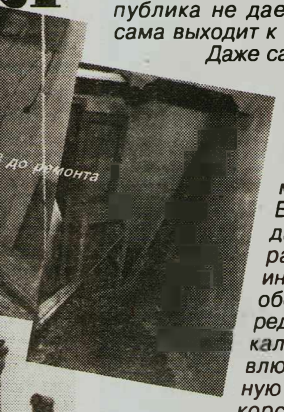
Владимир Пискунов... (извините, если кого-то не вспомнила). Они прошли тернистый пятнадцатилетний путь: народный театр-студия – профессиональный театр-студия на хозрасчете – государственный театр. Сам руководитель продвинулся от педагога и режиссера, предпочитавшего ставить самого себя (оригинальные пьесы, собственные инсценировки классики) до постановщика "Ромео и Джульетты" и "Дяди Вани". Он даже приглашает режиссеров со стороны!

По сути своей, Розовский представляет не слишком распространенный тип автора спектакля, которому принадлежит идея,

Розовский – человек вне меры. Он терпеть не может ограничений. Он и в "Ромео и Джульетте" не соглашается с размерами крошечной своей сцены и выкраивает-таки место для балетной массовки. И только в "Песнях нашего двора", вырвавшихся из тесных стен театра на асфальт старого московского дворика, режиссер сумел "привлечь к себе любовь пространства". Здесь он избавился от сцены как таковой, сделав местом действия весь двор и даже навесную железную лестницу. Поставив диагноз: ностальгия, – Марк Григорьевич оказался более чем прав. "Наш двор" – всего лишь дворик из нашего прошлого, и никакой сюжет не нужен – просто собрались и попили. А также хватили по рюмочке и закусили селедочкой на черном хлебе. Как известно, водка-селедка и песни – лучший способ братания, и публика не дает закруглить спектакль и сама выходит к микрофону.

ФОКУС РАСТЯЖЕНИЯ ПРОСТРАНСТВА

В КВАРТИРЕ № 8

Даже самые свои серьезные философские размышления Розовский подает в невероятно чувственной, эмоционально разогретой форме. Розовский – режиссер с мощным мужским началом. Ему не обязательно выводить на сцену голую задницу ради самой задницы (хотя иногда он делает и это). Он не обозначает действие – он передает эмоцию. Например, нажал первой близости юных влюбленных – через ироничную сцену расшнуровывания корсета (спектакль "Любовь и жизнь убитого студента", дуэт Александра Милосердова и Ирины Морозовой). В "Фокуснике из Люблина", инсценировке рома-

Сцена из спектакля "Ромео и Джульетта"

либретто, режиссура и иногда даже музыка. Не знающий нотной грамоты и кокетничающий этим Розовский является композитором музыкальных спектаклей "История лошади", "Бедная Лиза", "Гамбринус", "Романсы с Обломовым".

Первые два имели колоссальный успех. "Бедная Лиза", поставленная в студии в 83-м, в 84-м стала лауреатом Эдинбургского фестиваля, а в 97-м прошла с успехом на Авиньонском. Но, наверное, больше всего прославила Розовского "История лошади", поставленная им трижды: в 1975-м в Ленинграде – в Большом Драматическом совместно с Г. Товстоноговым, в 1979-м в Риге – в Русской драме и, наконец, в 1986-м – у себя в студии. Когда-то Товстоногов распорядился перенести "Историю лошади" с малой на большую сцену БДТ, что было верно, поскольку в спектакле не "одна лошадь", а целый табун. У себя в студии Розовский вынужден был втиснуть действие в метраж фанки, и плотность страстей на один квадратный сантиметр оказалась чрезвычайно высока. До сих пор помню, как меня "било током".

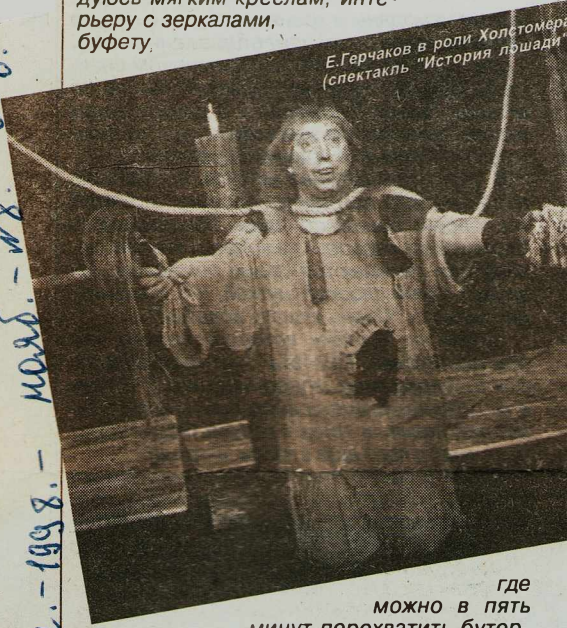
на И.Б.Зингера, не известного разве что только у нас в России, главный герой Яша (артист Андрей Молотков) мечется между любовью к разным женщинам, пряча за этим познание самого себя. С каждой из четырех своих женщин Яша связан по-разному, и все дуэтные сцены показывают разные типы отношений мужчина-женщина. Уж что-что, а передать разные оттенки любви – от робкого ее зарождения в "Ромео и Джульетте" до напускного цинизма Астрова и безнадежной горечи Войничского ("Дядя Ваня") в этом театре умеют. Умеют заинтриговать, увлечь, раздражить. Фокусник Яша показывает настоящие карточные фокусы, зажигает звезды, глотает кинжал. Театр ловит зрителя на удочку. А тот и рад клонуть. Он за этим и пришел.

Светлана НОВИКОВА

P.S. Рассказ о театре получился рассказом в первую очередь о Розовском. Но, в конце концов, Марк Григорьевич и есть театр "У Никитских ворот".

Райна Праудина, Вера Улики. Бы в шим мальчишкам и девочкам пришлось тянуться и тянуться. Кто-то не тянул, или не выдерживал железного диктатора художественного руководителя. Розовский, тысячу лет работавший с поэтом Юрием Рыженцевым и сценаристом Татьяной Швеи, труппу тасовал, как карточную колоду. Из начинавших с ним остались Маргарита Рассказова, Виктория Заславская, Наталья Драйчик, Юлия Бочкайге, Ирина Морозова, Юрий Голубов, Марк Высоцкий, Владимир Долин-

Воспоминания о театре. - 1998. - нояб. - № 8. - С. 6.

Е. Герчаков в роли Холстомера (спектакль "История лошади")

где можно в пять минут перехватить бутерброды с красной рыбой. В каждой театральной студии свои законы. В одних живут, как в семье, в других – как в секте. Марк Розовский, как "крестный отец", пользуется в своем театре неограниченной властью. В 1983 году он открыл народный театр-студию в Центральном Доме Медика, где фанатичные юноши и девушки внимали каждому слову Мастера. Марк Григорьевич требовал беспрекословного подчинения. Не только опоздать на репетицию, но даже заболеть – Боже, избави! Настоящий артист, вдалбливал Розовский, не допустит болезни.

И молодые люди не позволяли себе опаздывать и болеть, работали часов по двадцать в сутки, не оставя студии, получали актерские дипломы. Из их самостоятельных